

В Мексике варят не только "мыло"

Что мы знаем о Мексике? Кроме того, разумеется, что там богатые тоже плачут. Например, о мексиканском театре, его традициях и современном состоянии, о его связи с российской сценической культурой, наконец? А они были и есть. Имена Станиславского или Чехова, например, там не менее уважаемы, чем на их исторической родине. Евгений ЛАЗАРЕВ мог бы рассказать об этом немало интересного, тем более что его творческие вояжи в Мексику в качестве педагога и режиссера начались без малого 20 лет назад и длятся до сих пор. Не столь давно он в очередной раз вернулся с латиноамериканского континента. Но начался наш разговор с вопроса о том, когда и как проникли в Мексику сведения о знаменитой системе Станиславского.

— Там работал ученик Станиславского, режиссер Секи Сана, японец, долгое время живший в Советском Союзе. Но в 30-е годы он уехал из СССР, потому что ему дали знать, что так будет лучше. Он долго путешествовал по миру и наконец — после второй мировой войны — оказался в Мексике. И стал там авторитетным проводником системы Станиславского и метода Московского Художественного театра. Он поставил все чеховские пьесы, причем, как тогда говорили, "по мизансценам МХАТа". Это производило на его учеников актеров впечатление документальности. Сегодня он считается одним из корифеев мексиканского театра. Его ученикам далеко за 70. Это такие крупные деятели мексиканского театра, как Хосе Соле, Дагоберто Гийоман, Беатрис Шеридан, Карлос Ансирро и другие. Действительно, очень талантливые артисты.

— Как же именно вы оказались в Мексике? Когда это случилось впервые?

— Секи Сана умер в 50-е годы. Но настоящей школы он так и не оставил. А потребность в изучении системы Станиславского сохранилась. И вот в 1980 году в наше Министерство культуры поступил запрос пригласить в Мексику педагога системы Станиславского. Запрос попал в ГИТИС, где я тогда преподавал, и по каким-то причинам выбор пал на меня. Кстати, тогда все боялись туда ехать, это сейчас мчатся. В 1980-м надо было отправляться одному и без переводчика. Меня засылали туда, как Штирлица. Я не знал ни дня отъезда, ни часа — ничего. Практически перед вылетом меня вызвали в "большой дом" на бе-

седу с человеком, по усталому взгляду которого было видно, что он не меньше чем генерал. Помню, он произнес напутственную фразу: "Евгений Николаевич, не упрощайте там своего положения". Я почувствовал, что она сильно заряжена, хотя и не мог понять, что же это означает. Но фраза эта меня совершенно лишила покоя и необыкновенно внутренне мобилизовала. Человек был опытный, знал, что говорил. Короче, когда я с проходной позвонил жене, она закричала в трубку: "Женя, ты летишь сегодня вечером!". Меня замечательно проводили и встретили. Единственное, о чем забыли предупредить, так это о том, что не надо пить воду из-под крана. Что я тут же и сделал по своей привычке и несколько лет потом рас-плачивался.

— К чему же вы приступили, прилетев и выпив воды?

— Четыре дня искали переводчика. Я же пока с мексиканцами разговаривал по-английски, что им не очень нравилось. Они не слишком-то чтут своего великого северного соседа. А потом нашли Сельму Ансерро — молоденькую студентку МГУ, которая прилетела домой на каникулы. С ней я продолжаю работать и по сей день. Тогда же я прочел курс, который называл "Введение в систему Станиславского". У меня занимались только режиссеры и педагоги и в порядке исключения четыре студента-отличника со старшего курса Института Белыос Артез. Я тут же получил предложение приехать в Мехико еще раз — теперь уже в качестве режиссера, — поставить спектакль со студентами и молодыми актерами.

— Как прошел ваш мексикан-

Слева: Е.Лазарев с мексиканскими актерами Фелио Эль-Эль и Маргаритой Санз. В центре: "Старомодная комедия" пользовалась в Мехико небывалым успехом. Справа: драматург Эмилио Карбальдио

ский режиссерский дебют?

— Довольно удачно. До этого я в Москве в Театре имени Маяковского выпустил "Ящерицу" по пьесе Александра Володина. Сельма посмотрела спектакль и сказала: "Это то, что нам нужно". Она ее блестяще перевела на испанский язык. И в 1981 году я поставил "Ящерицу" в театре "Ориентасон". Случилось так, что эта постановка стала серьезным событием в их театральной жизни. Вышло около сорока рецензий, спектакль получил всевозможные премии. А недавно я узнал, что он был признан в Мексике одним из лучших спектаклей того десятилетия.

— Много лет спустя история повторилась?

— В общем, да. Ребята, с которыми я тогда работал, выросли, стали крупными актерами, ведущими мастерами мексиканского театра. И они решили снова со мной встретиться — как с педагогом и режиссером. Вновь я преподавал и параллельно поставил два спектакля: "Старомодную комедию" Алексея Арбузова и "Письма Моцарта" Эмилио Карбальдио.

"Комедия", я считаю, получилась

и произвела на них какое-то гигантское впечатление.

А Э.Карбальдио — их крупнейший драматург. У него сто пьес. Имеет кучу международных премий. В испаноговорящем мире он так же авторитетен, как, скажем, Маркес. Живой, смешной, подвижный, немного напоминает нашего Александра Володина. У нас его не знают. Хотя некоторые пьесы совершенно мирового уровня. "Письма Моцарта" — история о том времени, когда в Мексике было очень сильно европейское, особенно немецкое влияние. Она ведь даже находилась под властью германского императора Максимилиана Габсбурга. Пьеса с трагическим финалом, с переходом из реализма в фантастику. Но этот спектакль, думается, не слишком удался, хотя у меня были прекрасные актеры и лучшая сцена страны — Сентр де ла Сартес. Но "Старомодная комедия" меня волновала больше.

— Действительно ли у мексиканских артистов существует острый интерес к русской театральной школе?

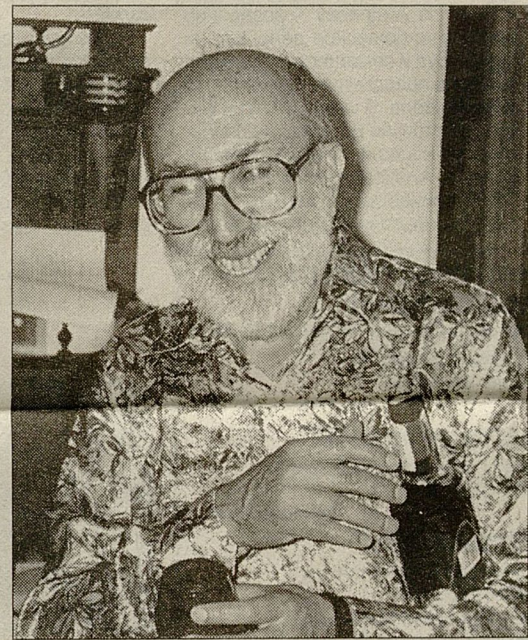
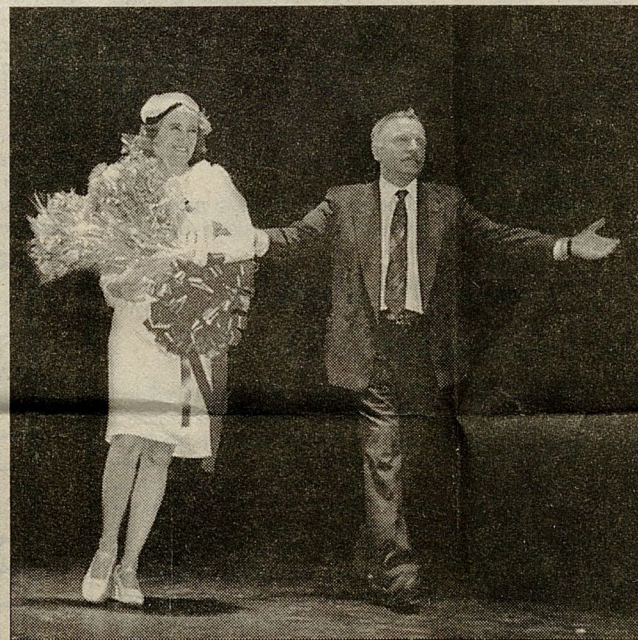
— У них настоящая жадность к этому. Сначала, правда, задают во-

прос: может ли система Станиславского прижиться на иной национальной почве? В ответ я им просто сценку какую-то уличную показывал из местной жизни и объяснял, как она раскладывается по системе. И они тут же начинали хохотать, топтать ногами, приходили в восторг. Там, кстати, сейчас очень просят издать все, что выходило по этой проблеме после смерти Станиславского. Мы работаем над книгой, куда войдут труды Кнебель, Товстоногова, Полова, Гончарова, Лобанова, Захарова. Все это, естественно, будет переведено на испанский язык.

— Что собой представляет мексиканский театр, судя по вашим личным впечатлениям? Пользуется ли он зрительской популярностью или все внимание публики отдано мыльным операм?

— Что касается "мыльных опер", то там над ними смеются в отличие от нас. И никак не могут поверить, что в России какая-нибудь Вероника Кастро так популярна. Она приезжает от нас и рассказывает о своих победах, а ей не верят.

В мексиканском же театре есть свои корифеи. Два крупных режиссера, которым уже за 60. Один из

них — Людвиг Маргулис, польский еврей, родившийся в России и побывавший в лагерях. Он прекрасно говорит по-русски, живо понимает систему Станиславского. Имеет свою актерскую школу. Ставил все на свете — от Шекспира до Теннесси Уильямса. Нежный, тонкий, проникновенный, безумно талантливый человек. 24 часа в сутки проводит в школе или театре. Академическое направление мексиканского театра возглавляет Гектор Мендоза. Знаменит серией "художественно-педагогических" спектаклей: режиссер на сцене сначала беседует с актерами, а потом играют сцены из спектаклей. Я видел постановку на основе пьесы Тирсо де Молины. Должен сказать, там, где они играют теоретическую часть, это совершенно блестяще. Иллюстративные же фрагменты мне показались недостаточно убедительными.

Национальной компании сейчас не существует, хотя когда-то она была. Очень много возникает разнообразных групп. Скажем, есть такой Театр Ангелов, я смотрел там вариант мексиканской "Трехгрошовой оперы". Здание — настоящий ангар, народу тьма, зрители — за столика-

ми, которых туда вмещается до 500. Можно заказать напитки. Но мы очень мало знаем об этих людях. В них удивительное сочетание древней глубины культуры с испанской гордостью, определенным этикетом. Судите сами. Ходят девицы в мини, на сцене танцуют полуобнаженные барышни в перьях, и действие достаточно фривольное. Но я ни у кого не видел даже пива, заказанного во время спектакля. Только лимонад или кока-кола. И никто не курит. Хотя все разрешено. Но люди пришли смотреть спектакль. Это меня просто поразило.

Везде широко играют Шекспира, самая популярная пьеса — "Отелло". Все время возникает где-то Чехов, обычно три его пьесы — "Чайка", "Три сестры" и "Вишневый сад". И водили, которые знакомы каждому студенту.

— Там живет много русских?

— Как и везде, существует русская колония. Сейчас при нашем посольстве создается русская община. Только в посольской школе больше ста учеников.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА

16.06.99

Лазарев Евгений